

Запад, несомненно, для нас не пример.
Впрочем, я не вижу лучшего примера.

Булат Окуджава

Европеец

№ 1, ноябрь 2003 ГАЗЕТА РОССИЙСКИХ ЗАПАДНИКОВ

Как снова убивают Галину Старовойтову

В российской истории трудно найти личность, сопоставимую с Галиной Старовойтовой, ибо женщины, в нашей истории почти не действовали. Но есть в российской истории мужчина, блестящий политик и смелый реформатор, проживший честную жизнь и пытавшийся изменить страну в европейском духе. Он так же временно был приближен к верховному правителю России, начал реализовывать великие проекты, потом был удален от государя стараниями завистливых царедворцев, не заинтересованных в реформах, и так же «вознагражден» за труды, как Старовойтова, — голо убит агентом охраны. Звали его Петр Аркадьевич Столыпин.

Один из друзей Галины Старовойтовой, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, очень точно уловил ее внутреннюю, человеческую суть. Он называл Галину Васильевну «дама XIX века». Именно потому, что образ этот был емким и безупречно точным, нам, кому посчастливилось близко ее знать, сегодня особенно дико слышать грязные версии про «ее бизнес и миллионы». Раздать половину своей депутатской зарплаты избирателям на приеме, беженцам и погорельцам, — вот это больше на нее похоже. Так часто и происходило, потому что была она настоящим правозащитником во всех своих проявлениях, и счет людей, которым она помогла или просто спасла, шел не на сотни человек, а на тысячи или десятки тысяч. Масштаб ее личности становится виден только сейчас, когда мы отдаляемся от нее во времени.

На рабочем столе у Галины Васильевны, под стеклом, лежал листок с лозунгом: «Делай то, что должно и будь, что будет». Старинный рыцарский девиз... Она говорила нам, слегка иронично и гордо: «Мне не нужна любовь власти или ее составляющих. Мои амбиции гораздо больше. Я хочу переделать мир». Вот в этом она вся. Ни одного этнического конфликта, ни одной локальной войны не допустила она в России в краткие месяцы ее работы помощником президента по национальному вопросу. Всегда она говорила о самом главном, находя первопричины явлений. И катастрофическое состояние страны она не только констатировала, объясняла, но и предлагала ему решение — лustrации партийных боссов и гебистов. Руководствуясь успешными примерами проведения лustrаций в Чехии, Венгрии, странах Балтии, Галина Васильевна подготовила проект «Закона о запрете на профессии для проводников тоталитарного режима» и неустанно его отстаивала. А ведь если бы приняли этот закон, история России имела шанс выйти из порочного круга «от хаоса к тоталитаризму и обратно».

Купить ее было нельзя. Компромата на нее не было, шантажировать ее было нечем. Запугать ее тоже было невозможно. В политических и журналистских кругах ходила шутка: «Во всей Государственной Думе есть только один настоящий мужчина. Да и тот — Галина Старовойтова». А еще журналисты звали ее за глаза «Родина-мать», намекая и на крупное ее телосложение, и на открытый, добрый ее характер. Настоящий русский характер, из той прошлой России, которую мы потеряли.

Может быть, кому-то сегодня и трудно

это представить, но есть на земле вещи поважнее денег. Честь, убеждения, любовь к родине — то, что всегда олицетворяла собой Галина. Для всех людей, лично знавших ее, она была ярким примером мужества, совести и духовной чистоты. Деятельная доброта, блестящий ум, интеллигентность во всем — в мыслях, в словах, в движениях.

В ее питерской двухкомнатной квартире одна комната стояла совсем пустая, без мебели — не было у нее ни времени, ни денег, чтоб купить обстановку. Галина, вечно не имевшая времени пообедать, в спешке между Москвой и Питером, между Думой и округом, жевавшая бутерброды на ходу, второпях покупавшая себе одежду на распродажах, непрактичная, «некоммерческая», после своей смерти изображается «черным» пиаром «суперолигархом» и «нефтяным магнатом». Абсурд, ибо человек она была настолько далекий от бизнеса и расчетов, что сама толком не умела разобраться даже в платежах за квартиру, родные ей в этом помогали. Не за деньги убили Галину Васильевну. За свет, который она несла в себе, за правду, которую она не боялась говорить открыто.

Возможно, гипертрофированная, навязчивая ложь о ней в прессе призвана скрывать многие очень странные события, происходившие вокруг Старовойтовой в последние два года ее оборвавшейся жизни. Вот об этих событиях следует рассказать подробнее.

Зимой 1996 года Галина Васильевна Старовойтова, после многих встреч с избирателями, которые принимали ее восторженно, вдруг сказала нам, своим помощникам: «А почему бы и нет? Почему бы мне, женщине,

Браунском университете. Поскольку всегда была она человеком чрезвычайно щепетильным, первым делом по возвращении она отправилась в налоговую инспекцию, чтобы заплатить налоги с американских заработков и гонораров за свои книги. Случай этот был беспрецедентным, — никто и никогда не платил налоги за заработки, полученные вне России, поэтому налоговики не знали, по какой статье это провести и с трудом придумали, как оформить.

Мы провели в Петербурге собрание инициативной группы по выдвижению Старовойтовой, опубликовали в газете «Аргументы и факты», с ее огромным тиражом, типовой лист для сбора подписей за выдвижение Галины Васильевны. Во всех 89-ти субъектах федерации члены партии «Демократическая Россия» вышли на улицы с подписными листами. Подписи пошли в Москву, как снежный вал, мы и сами такого не ожидали. Когда я приехала в Москву на помощь друзьям, то увидела, что помощники Галины просто тонут в этих горах конвертов и бумаг выше человеческого роста, лежавших повсюду — на полах, столах, подоконниках. Времени у нас было очень мало, по закону на сбор и оформление подписей отводилось всего два месяца.

Миллион подписей, 50 тысяч подписных листов, каждый из которых членом инициативной группы нужно было заверить своими данными, потом все разобрать по регионам России, сброшюровать, пронумеровать... Спали мы тогда по четыре часа в сутки, посменно. В Москву приехали помочь многие друзья Галины, журналисты, студенты. Помогали нам нумеровать листы сын писате-

вы нам весь предвыборный расклад, спланированный политтехнологами Ельцина.

Уже после президентских выборов, после победы Ельцина, Генеральная прокуратура вдруг начала дело по проверке подписей за выдвижение Галины Васильевны кандидатом в президенты. Ничьи больше подписи не интересовали прокуроров — ни никому не ведомого Мартина Шакума, за которого проголосовало меньше народу, чем подписалось, ни нивесть откуда взявшийся миллион подписей за малоизвестного национал-социалиста Юрия Власова... Прокуры интересовались только и исключительно Галиной Старовойтовой. В долгие месяцы они проверяли абсолютно все, вплоть до мельчайших деталей — подлинность предвыборного собрания по ее выдвижению, подлинность списков и подписей, подлинность паспортных данных всех людей, заверивших списки. Районная прокурорша постоянно звонила мне домой и свирепо требовала явки на допрос по «делу Старовойтовой». Я подтвердила ей и свое участие в собрании, и удостоверила все мои подписи и паспортные данные, но этого исполнительской прокурорше было мало, она названивала мне неустанно и требовала еще и еще подробностей, хотя вроде бы все было ясно.

В это же время моей родственнице, тоже одной из участниц предвыборного собрания Галины Старовойтовой, звонил «ее» районный прокурор, молодой и воспитанный парень. Он вел себя совершенно иначе — долго извинялся и объяснял: «Да вы меня простите за назойливость, я ведь и сам понимаю, что дело абсолютно дурацкое и не стоит выеденного яйца. Я сам голосовал за Старовойтову и очень ее уважаю. Но вы и нас поймите — Москва пристала с ножом к горлу, требует расследования и все тут». «Расследование» это длилось около года, но вождя результатов прокуратуре не принесло. Не было на Галину Васильевну компромата. Никакого вообще. Все подписи за нее оказались настоящими, собрание оказалось подлинным, люди — реальными. Хотя еще долго мы с родственницей перезванивались и впервые в жизни делились диковинными впечатлениями — что сегодня сказал «твой» прокурор, а что «мой» прокурор. Не знали мы тогда, что это были только первые признаки грядущей атмосферы.

Конечно, Старовойтова не могла выиграть президентские выборы 1996 года. Но, по подсчетам социологов, она вполне могла получить свои 6 или даже 12 процентов голосов, а может, и больше, теперь уже никто и никогда не узнает этих цифр. За Галину проголосовали бы как за женщину, которой люди доверяли, как за ученого, блестяще образованного и интеллигентного человека, как за умного, спокойного и принципиального политика-демократа, никогда ничем дурным не запятнавшую свою безупречную репутацию. Может быть, эта заявка Галины на участие в президентских выборах 1996 года и стала одной из причин ее убийства. Вскоре убили леворадикального и весьма популярного в армии генерала Рохлина, заявившего о своих предвыборных президентских амбициях. Ничто и никто не должен был смазывать предвыборную картину и забирать вождя голоса.

(продолжение на 3-й стр.)

Римма Старовойтова: «Летит ее душа над всей вселенной»

(Из воспоминаний матери Галины Старовойтовой)

Развивалась доченька отлично. Рано начала говорить, рано появилось и свое выражение к каким-то делам и событиям. В полтора года она знала, что она «Гая Войтата», что ей «полтята годика». Вася в то время не каждый день брился и любил пощекотать меня своей щетиной. Я сердилась и говорила: «Иди ты, небритая морда!». Рядом жили соседи постарше нас, у них не было детей, и Наум (муж) очень любил Галю, брал всегда ее на руки и разговаривал с ней. Однажды пощекотал ее своей щетиной. Галя шлепнула его по лицу и сказала: «Ди! Небытия моя!». Часто мы встречали отца с работы, и по дороге Галя ему рассказывала о всех событиях (с моим переводом). Когда в декабре 1947 г. отменили карточки и открыли обычные магазины, сразу образовались очереди (как всегда!). Пришла соседка и комментировала: «Ну, карточки отменили, а не разживешься. Хлеб, крупа, всё дорого...». Галя возмущенно докладывает отцу: «Сеп (хлеб), купа, дёёго». Ей полтора года. Когда, ближе к Галиным двум годам, мы побывали у мамы, где во дворе были куры, козы, еще какая-то живность (дом 8-квартирный), Галя сказала: «Песюсёк казал — кну-кн!». Так услышала она «ку-ка-реку». Туфельки назывались «тосельки».

Когда я звонила маме на работу, просила: «Попросите, пожалуйста, Овчинникову (маму)», потом мама разговаривала с Галей. Галя говорит: «Баба! Ты Овчинникова!». Это она сообразила, когда ей не было двух лет. Утверждаю, что всё это было еще в Челябинске, а в Ленинград мы ее привезли за две недели до ее двухлетия (2 мая 1948 г.). «Баба! Испеки мне зайчика!». Мама из теста вырезала зайчика в профиль, с изюминой вместо глаза. Галя всегда его съедла целиком.

В дороге в поезд, когда мы ехали в Ленинград, Галя впервые четко сказала «ррр» в слове «вытррру». До этого «р» и «л» иногда пошаливали. Но к двум годам от меня она уже знала наизусть множество стихотворений, всё, что знала я от мамы — Барто, Михалкова и других. В трамвае, по дороге от Московского вокзала до Троицкого Поля (у завода «Большевик»), отец держал ее на руках, и она сыпала всю дорогу, развлекая себя и весь вагон. Меня с семимесячным пузом посадили, а молодого отца с ребенком на руках — нет. Как сейчас вижу — она была довольно длиненькая, отец ее держит, она свое слышит, отец польщен вниманием всего вагона, Галя — естественно — на это внимание ноль внимания.

Завод дал нам комнату в коммунальной квартире у завода «Большевик», почти у села Рыбацкого. Все говорили: в рубашке родился! Комната послеблокадная, почти без пола, стены в выбоинах. Вася был прописан в общежитии с января 1948 г. но жил у братьев Романовых, Михаила и Николая, очень друживших между собой и живущих в одной квартире вместе с матерью где-то на Коломенской улице.

(продолжение на 2-й стр.)

представителю Демократической России, не выдвинуться в президенты страны, ведь это будет впервые в истории? Мы ее спрашивали: «Неужели вы правда хотите президентом стать? Ведь не выберут вас — вы женщина, да еще и бескомпромиссный демократ». Галина нам повторила свой знаменитый съездовский афоризм: «Не надо думать, что пол женщины — это ее потолок». А потом сказала, что если она выйдет во второй тур с Ельциным — то отдаст голоса ему. Ну а если выйдет на второй тур с коммунистом Зюгановым — то не отдаст.

Вот тогда мы и начали собирать миллион подписей за выдвижение Старовойтовой в президенты. Незадолго перед этим Галина вернулась из Америки, где читала лекции в

Владимира Войновича, журналистка Софья Васильева приехала на помощь Галине из Израиля, кинорежиссер, член партии «Демократический союз» Валерий Терехов, подшивал подписные листы по регионам. Мы сдали в срок миллион двести тысяч подписей за выдвижение Галины Старовойтовой в президенты.

А через две недели выяснилось, что подписи за выдвижение Галины Васильевны избирком забраковал. Якобы нашли ошибки в оформлении подписей, в нумерации страниц, придрались к мелочам, а в подтексте отказа значились исключительно политические причины. Чиновники Избиркома и менеджеры выборов Ельцина беззвучно умоляли — Галина Васильевна, не ломайте

Римма Старовойтова: «Летит ее душа над всей вселенной»

(Из воспоминаний матери Галины Старовойтовой)

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

Всю войну они жили в Челябинске. Николай, кроме того, очень дружил со мной и был у нас с Васей на свадьбе. Конечно, получить комнату в Ленинграде в 1948 г., не живя в городе ранее, — это было сказочно! Официально — распределение МВТУ на Кировский завод, эвакуация, реэвакуация через министерство, семь лет работы по специальности и награды военного времени — всё это так, но все равно большое везение. Соседи через лестничную площадку говорят мне: «Смотрим, молодой парень ремонтирует, красит, жену ждет. Ну, думаем, какую королеву привезет? Смотрим: является с таким пузом... Ай да королева!». Соседи по квартире говорят: «Одной дочке двух лет нет, вторая на носу... Прощай, наш покой...». В квартире уже было четверо детей: 9, 12, 14 и 16 лет. Соседи наши блокадники, пережившие войну в Ленинграде...

Много я слышала их живых рассказов о тех временах. Один сосед погиб в войну, оставил соседке двух сыновей, Юру и Леву; второй был ранен в ногу, прихрамывал. Вдова соседа, мать Юры и Левы, вышла замуж за некоего Сашу, шофера, моложе ее, невзлюбившего пасынков, и пришлось нам их опекать.

На «подъемные», выдаваемые при реэвакуации, купили мы себе мебельный гарнитур: никелированную с панцирной сеткой кровать, оттоманку, стол, шесть стульев, деревянную кровать Гале (а после рождения Оли — Оле, а Гая перешла спать на оттоманку), шкаф, кухонный столик, ватное полуторное одеяло, четыре тарелки, четыре чашки, четыре ложки, две кастрюли, примус, электроплитку. Детям отстегала одеялки сама. С постельным бельем, полотенцами и т.д. был полный атас, всё чего-то перекраивала, переделывала... Пододеяльник был один на пуховках. Утром стирала, до ночи обязан был высохнуть.

Соседи — четыре семьи. В квартире четыре комнаты, кухня, туалет. На четыре семьи в послеблокадной кухне одна маленькая раковина довоенная, чугунная, на всё — умывание, бритье, стирку, варку, мойку, купание моих детей...

Конечно, наше поколение — стальное!

Вася уходил на работу первый. Ему от Рыбачьего до Кировского завода надо было ехать два часа в один конец двумя трамваями: № 7 до Московского вокзала, там пересадка на № 13 до ЛКЗ. Минут на двадцать до-

рога занимала бы меньше, если бы ехал автобусами (тоже с пересадкой), но автобусом мы пользоваться не могли — дорого, т.к. тогда плата бралась в зависимости от количества остановок, а нас на его одну зарплату — четверо и еще алименты. Цены на всё были очень высоки. Многие продукты были дефицитом. Особенно для меня был замечен дефицит на сахар и на картошку. Всегда надо было постоять в очереди, и давали эти продукты с ограничением: сахар — 1 кг в руки, картошка — 5 или 10 кг в руки, так что запастись было трудно.

В квартире работали все, кроме меня и детей. Раковину никто никогда не трогал, пока Вася не умоется и не побреется. Потом — сосед Саша. Потом — все остальные, твердо зная, что всем надо! Я вставала без пятнадцати шесть утра, готовила Васе кашу и чай на плитке в комнате. В шесть часов будила Васю, в шесть пятнадцать он убежал. Опазды-

вать никогда было нельзя — подсудное дело, с вычетами из зарплаты. А можно было схлопотать и внеурочные работы, вроде уборки улиц, да и стыдобеще.

Гая знала свой адрес: «Глоинское Поле, дом 7, квартира 2015 (215, но она говорила двадцать пятнадцать)». Она — Гая Войтата... Во дворе у нас был рынок, продовольственный и вещевой. Туда я и ходила с двумя своими ребятами. На левой руке у меня грудная Оля, в правой руке авоська с картошкой, за авоську держится двухгодовалая Гая. Плетемся мы на пятый этаж без лифта, не торопясь... Соседи, убегая на работу, оставляют мне наказы для своих семей: Только придет — пусть вынесет ведро; Муся придет — пусть разогреет суп, пусть обедает; Юра и Лева пусть сварят себе вот эту картошку (приготовлена кастрюля с картошкой в мундире); Саша придет — пусть сварит себе яйца (приготовлена кастрюлька, в ней 5 яиц). Вечером, когда придут все с работы, я на кухне уже не толкусь, всё сделано, сварено, ждем Васю.

Вася приходит, перецелует нас, выпросит новости, подбрасывает Гая над большую кроватью под потолок, приговаривает: «Яблоко, груша, сам Петруша...». Гая это быстро усвоила, и как только отец приходит, сразу глазенки лукавые, руки протягивает к нему: «Ам Петуся...» (Сам Петруша).

В воскресенье обязательно идем гулять на Куракину дачу (большой барский парк с бывшими прудами и разбитыми усадьбами). Говорили, что здесь, далеко за городом, была когда-то дача князя Куракина. У Льва Толстого в «Войне и мире» много сказано об этой семье.

Когда Оля побежала ножками, кроме Куракиной дачи стали мы еще ходить на стадион завода «Большевик» на берегу Невы, которая в этих местах довольно широка и полноводна. Оля уставала быстрее всех, забегала вперед, протягивала ручки к отцу, закрывала ему дорогу и говорила: «На кутики!» (на ручки). Отец нес ее какое-то время, потом спускал на землю, и она семеняла быстро, успевая и цветочки разглядеть, и бабочек, и шмелей и т.д.

Придя из школы, все соседские дети приходили ко мне делать уроки. Всё мы с ними разбирали (возраст разный, учатся в разных классах), выполняли. А однажды пришла незнакомая девочка со второго этажа и сказала: «У меня задача не получается, я спросила маму, а она сказала — пойдите к тете Римме». Так стала к нам эта девочка Валя прихо-

дикой взрыв в 1945–46 гг. вернулись отцы, вернулась надежда! И еще странное явление: в первом классе оказалось шестнадцать Галин! Откуда? Что за поветрие? Не Марии, не Наташи, а именно Галины.

Первая Галина учительница, Наталья Дмитриевна Лозбикова, говорила: «Я вынуждена первоклашек называть по фамилиям, иначе как мне их обозначить по именам?» Гая так ответственно относилась к школе — сидит, не шелохнувшись, ручки сложив на парту... Наталья Дмитриевна говорит: «Я вынуждена попросить ее протереть доску или пойти пополоскать тряпку, как-то расшевелить...». С первых дней, как только начали ставить оценки, пошли у нее пятерки. К школе Гая умела читать, писать, рисовать, считать. Ей все это хотелось, без всяких усилий. Оля тоже все это умела, но пока в меньшей степени. Через полтора-два года в районе открылась музыкальная школа, и мы повели их туда. У обеих дочерей оказался абсолютный музыкальный слух. Правда, и у меня, и у Василия тоже отличный музыкальный слух, но на абсолютность нас никогда не проверяли. Но для фортепиано, сказали, Гале уже поздно, а вот на виолончель ее взяли с удовольствием (видно, тут у них был недобор). Оля пошла по классу фортепиано.

На вступительных экзаменах в музыкальной школе Гая выразительно, без малейших ошибок, спела известный романс: «Средь шумного бала, случайно...» Комиссия смеялась: «Ну, как раз для тебя...». А Оля принимала через год. По классу виолончели у Гали в музыкальной школе шли занятия шесть раз в неделю: два раза виолончель, один раз фортепиано, теория музыки и композиция, хор и в старших классах еще и оркестр. Оля училась три раза в неделю: два раза урок фортепиано и один раз — теория музыки. У Оли был очень неприветливый и внешне неприятный учитель музыки. Когда она шла два раза в год сдавать свой «отчет» в музыкальной школе, в спину ей неслось: «переросток, переросток...». Своего пианино у нас не было, я брала инструмент напрокат несколько лет подряд (лет восемь). Впоследствии я узнала, что все родители делали учителям музыкальной школы дорогие подарки к датам и праздникам, а мы, такие «высокие» родители, не делали этого никогда.

И вот, отучившись четыре года, Оля сказала: «Больше учиться в музыкальной школе не буду. Будете заставлять — брошусь под машину!». Погоревала я, посяжала и сняла ее из музыкальной школы. Много-много позднее, лет через сорок после этого, Оля призналась, что смертельно боялась своего учителя и что он «нечаянно» касался рукой не только ее плечиков... Гая училась ответственно и серьезно, и лишь однажды с горечью толкнула виолончель: «Надоела мне эта дура!». А она действительно была выше Гали, и мы ведь детей своих не сопровождали в школу, всё они делали сами. После того, как я сняла Олю из музыкальной школы, вскоре состоялась районная партийная конференция, на которой присутствовал Василий Степанович и директор музыкальной школы (забыла его имя). Он в перерыв расхваливал Галины успехи. Василий: «Что же вы мне всё про Гая, а что же про Олю-то ни слова?» — «Как? Разве вы не знаете, что жена давно ее сняла от нас?». Вечером мне дома была вздрючка: «Я воспитываю детей, а ты только мне мешаешь!». Позднее, став взрослой, Оля очень сожалела, что бросила музыку, но на том этапе, может быть, ее действия были верными. К сожалению, я тоже не разобралась тогда, что к чему... Но все-таки какие-то основы были получены, и наши дети, возможно, несколько иначе слушали музыку, чем мы. Хотя все мы (семья) были певчие и музыкальные. Много лет мы покупали абонементы в Большой и Малый зал филармонии, и нам посчастливилось слушать первые исполнения симфоний Шостаковича в его присутствии и в великолепном исполнении оркестра, выступавшего и созданного великим Евгением Мравинским, под его управлением, да и не только музыку Шостаковича. Как сейчас вижу стройную рослую его фигуру, сосредоточенное лицо, весь он строгий, величественный. В последние годы он управлял своим оркестром сидя, но оставался таким же величественным...

Когда Гая училась уже в 10 классе общей школы, я убедилась, что теперь уже надо готовиться к поступлению в вуз, а музыкальная школа отнимает много времени и сил. Гая

всегда была очень доброй, а Вася — очень добрым и справедливым человеком. Распоряжения ее были толковы. Вот наша очередь убирать кухню и общие места. Юра своему 15-летнему сыну: «Толька! Вынеси ведро». Мне неловко: «Нюра! Сейчас Вася придет, вынесет...». — «Ничего этому шалопаю (Тольке) не сделаешь. Что встал? Неси!».

Или выходит на кухню, семь часов вечера: «Ну, вот что: к восьми часам чтоб все упрямились, освободили кухню, Римма детей будет купать!». Сама бы я дождалась, пока освободят. А уж когда освободят, это — как управятся. Мы там прожили два года — с мая 1948 г. по конец 1950 г. Навсегда благодарна соседям за доброе к нам отношение. Без них мне было бы во много раз тяжелее управляться.

Когда я еще ждала Олю, помню, я была в квартире одна с Галей. Меня начало как следует прихватывать. Пришла Даша с работы. Поела, нарядилась в свой выходной костюм. «Ты как себя чувствуешь? Что-то на тебе лица нет...». — «Да, неважно, Даша, наверное, сегодня буду рожать...». — «Так давай скорую вызову?». А дурица ей: «Нет, Даша, я Васю подожду...». Потом думаю: странная эта Даша! Нарядилась, в гости собралась, а потом в выходном костюме улеглась на диван и дверь в коридор открыла, смотрит. Пошла я в комнату, меня хватануло, я оперлась на стол, на угол, а из меня воды прорвало... «Даша! Вызывай скорую!» Даша — бегом, а я еще взяла тряпку пол вытирать. А тут Поля пришла, выхватила у меня тряпку и т.д... А Гая: «А-я-я-яй! Как тебе не стыдно! Такая большая, а написала в штаны!».

Скорая пришла моментально. Я спускаюсь с Дашей по лестнице, а навстречу мне Васенька. Он и повез меня рожать.

Родила я Оленьку в 10.30 вечера. Лохматенькая. Рыженькая. 3 кг 900 г. Без разрывов. Запеленали ее и положили на камин, под абакур. Акушерка сказала: «А, не буду отправлять ее никуда. В 6 утра буду сдавать смену, тогда и передам». Я лежу на высокой каталке. Вижу своего ребенка. Спит под лампой. Тепло ей. Спокойненько спит, не ворочается, не плачет, не кричит. Кормить потом уже в палату принесут, а два пальчика у подбородка всегда высвобожжены, просятся наружу.

Через неделю забрали нас домой.

...

В 1953 г. Гая пошла в первый класс (это была школа № 384, у Нарвских ворот, в плане — «Серп и Молот»). Это был последний год раздельного обучения, женская школа. В следующем, 1954 г. Гая перешла в школу № 390, за садом им. 9 января. Сейчас в этом помещении находится Кировский районный суд.

В предыдущем 1952 г. в школе был только один первый класс, а в этом, 1953-м, первых классов было шесть! Такой демографичес-

кий взрыв в 1945–46 гг. вернулись отцы, вернулась надежда! И еще странное явление: в первом классе оказалось шестнадцать Галин! Откуда? Что за поветрие? Не Марии, не Наташи, а именно Галины.

Первая Галина учительница, Наталья Дмитриевна Лозбикова, говорила: «Я вынуждена первоклашек называть по фамилиям, иначе как мне их обозначить по именам?» Гая так ответственно относилась к школе — сидит, не шелохнувшись, ручки сложив на парту... Наталья Дмитриевна говорит: «Я вынуждена попросить ее протереть доску или пойти пополоскать тряпку, как-то расшевелить...». С первых дней, как только начали ставить оценки, пошли у нее пятерки. К школе Гая умела читать, писать, рисовать, считать. Ей все это хотелось, без всяких усилий. Оля тоже все это умела, но пока в меньшей степени. Через полтора-два года в районе открылась музыкальная школа, и мы повели их туда. У обеих дочерей оказался абсолютный музыкальный слух. Правда, и у меня, и у Василия тоже отличный музыкальный слух, но на абсолютность нас никогда не проверяли. Но для фортепиано, сказали, Гале уже поздно, а вот на виолончель ее взяли с удовольствием (видно, тут у них был недобор). Оля пошла по классу фортепиано.

На вступительных экзаменах в музыкальной школе Гая выразительно, без малейших ошибок, спела известный романс: «Средь шумного бала, случайно...» Комиссия смеялась: «Ну, как раз для тебя...». А Оля принимала через год. По классу виолончели у Гали в музыкальной школе шли занятия шесть раз в неделю: два раза виолончель, один раз фортепиано, теория музыки и композиция, хор и в старших классах еще и оркестр. Оля училась три раза в неделю: два раза урок фортепиано и один раз — теория музыки. У Оли был очень неприветливый и внешне неприятный учитель музыки. Когда она шла два раза в год сдавать свой «отчет» в музыкальной школе, в спину ей неслось: «переросток, переросток...». Своего пианино у нас не было, я брала инструмент напрокат несколько лет подряд (лет восемь). Впоследствии я узнала, что все родители делали учителям музыкальной школы дорогие подарки к датам и праздникам, а мы, такие «высокие» родители, не делали этого никогда.

И вот, отучившись четыре года, Оля сказала: «Больше учиться в музыкальной школе не буду. Будете заставлять — брошусь под машину!». Погоревала я, посяжала и сняла ее из музыкальной школы. Много-много позднее, лет через сорок после этого, Оля призналась, что смертельно боялась своего учителя и что он «нечаянно» касался рукой не только ее плечиков... Гая училась ответственно и серьезно, и лишь однажды с горечью толкнула виолончель: «Надоела мне эта дура!». А она действительно была выше Гали, и мы ведь детей своих не сопровождали в школу, всё они делали сами. После того, как я сняла Олю из музыкальной школы, вскоре состоялась районная партийная конференция, на которой присутствовал Василий Степанович и директор музыкальной школы (забыла его имя). Он в перерыв расхваливал Галины успехи. Василий: «Что же вы мне всё про Гая, а что же про Олю-то ни слова?» — «Как? Разве вы не знаете, что жена давно ее сняла от нас?». Вечером мне дома была вздрючка: «Я воспитываю детей, а ты только мне мешаешь!». Позднее, став взрослой, Оля очень сожалела, что бросила музыку, но на том этапе, может быть, ее действия были верными. К сожалению, я тоже не разобралась тогда, что к чему... Но все-таки какие-то основы были получены, и наши дети, возможно, несколько иначе слушали музыку, чем мы. Хотя все мы (семья) были певчие и музыкальные. Много лет мы покупали абонементы в Большой и Малый зал филармонии, и нам посчастливилось слушать первые исполнения симфоний Шостаковича в его присутствии и в великолепном исполнении оркестра, выступавшего и созданного великим Евгением Мравинским, под его управлением, да и не только музыку Шостаковича. Как сейчас вижу стройную рослую его фигуру, сосредоточенное лицо, весь он строгий, величественный. В последние годы он управлял своим оркестром сидя, но оставался таким же величественным...

Когда Гая училась уже в 10 классе общей школы, я убедилась, что теперь уже надо готовиться к поступлению в вуз, а музыкальная школа отнимает много времени и сил. Гая

всегда была очень доброй, а Вася — очень добрым и справедливым человеком. Распоряжения ее были толковы. Вот наша очередь убирать кухню и общие места. Юра своему 15-летнему сыну: «Толька! Вынеси ведро». Мне неловко: «Нюра! Сейчас Вася придет, вынесет...». — «Ничего этому шалопаю (Тольке) не сделаешь. Что встал? Неси!».

Или выходит на кухню, семь часов вечера: «Ну, вот что: к восьми часам чтоб все упрямились, освободили кухню, Римма детей будет купать!». Сама бы я дождалась, пока освободят. А уж когда освободят, это — как управятся. Мы там прожили два года — с мая 1948 г. по конец 1950 г. Навсегда благодарна соседям за доброе к нам отношение. Без них мне было бы во много раз тяжелее управляться.

Когда я еще ждала Олю, помню, я была в квартире одна с Галей. Меня начало как следует прихватывать. Пришла Даша с работы. Поела, нарядилась в свой выходной костюм. «Ты как себя чувствуешь? Что-то на тебе лица нет...». — «Да, неважно, Даша, наверное, сегодня буду рожать...». — «Так давай скорую вызову?». А дурица ей: «Нет, Даша, я Васю подожду...». Потом думаю: странная эта Даша! Нарядилась, в гости собралась, а потом в выходном костюме улеглась на диван и дверь в коридор открыла, смотрит. Пошла я в комнату, меня хватануло, я оперлась на стол, на угол, а из меня воды прорвало... «Даша! Вызывай скорую!» Даша — бегом, а я еще взяла тряпку пол вытирать. А тут Поля пришла, выхватила у меня тряпку и т.д... А Гая: «А-я-я-яй! Как тебе не стыдно! Такая большая, а написала в штаны!».

Скорая пришла моментально. Я спускаюсь с Дашей по лестнице, а навстречу мне Васенька. Он и повез меня рожать.

Родила я Оленьку в 10.30 вечера. Лохматенькая. Рыженькая. 3 кг 900 г. Без разрывов. Запеленали ее и положили на камин, под абакур. Акушерка сказала: «А, не буду отправлять ее никуда. В 6 утра буду сдавать смену, тогда и передам». Я лежу на высокой каталке. Вижу своего ребенка. Спит под лампой. Тепло ей. Спокойненько спит, не ворочается, не плачет, не кричит. Кормить потом уже в палату принесут, а два пальчика у подбородка всегда высвобожжены, просятся наружу.

Через неделю забрали нас домой.

...

В 1953 г. Гая пошла в первый класс (это была школа № 384, у Нарвских ворот, в плане — «Серп и Молот»). Это был последний год раздельного обучения, женская школа. В следующем, 1954 г. Гая перешла в школу № 390, за садом им. 9 января. Сейчас в этом помещении находится Кировский районный суд.

В предыдущем 1952 г. в школе был только один первый класс, а в этом, 1953-м, первых классов было шесть! Такой демографичес-

е еще с полгода поколебалась и с большим сожалением согласилась со мной.

Росли наши дети без бабушек, без нянюшек, на собственной ответственности.

... Окончив школу, Гая хотела идти учиться в университет, на философский факультет. Однако отец восстал: «Ваша философия приспосабливается к правящей идеологии и обслуживает ее. А жизнь делают только технические науки и инженерные специальности. Вот иди в Военмех, по моему профилю». Вообще «гуманитариев» он называл «мозгоблуды». Конечно, шутя.

Гая колебалась, но послушалась, пошла в Военмех и проучилась там два полных курса. Успешно сдала все предметы по точным наукам — физику, сложнейшую математику, черчение, химию. По органической химии, как садится за стол, так выкладывает формулы всех продуктов. А в это время (в 1966 г.) в университете открылся психологический факультет. Гая нам заявила: «Я вас послушала, пошла в технический вуз, чтобы глубже изучить точные науки, необходимые для философии, а теперь пойду в университет, на психологию». Я ужасно переживала, т.к. сама недоучка, несмотря на хорошие способности. Вот, думаю, сорвется, недоучится, а потом семья, то да сё. Меня все-таки война сорвала из института, а тут — сама бросает!

Конкурс на новый факультет был громадный. К тому же двойной выпуск, в тот год одновременно заканчивали десятилетку и одиннадцатилетку, да плюс стали поступать к нам иностранные студенты. Но готовилась, сдала все четыре вступительных экзамена на пятерки, так что конкурс прошла блестяще. Сдала первую сессию. Новый номер: пойду на вечернее отделение, чтобы быстрее сдать все экзамены, а то только время на лекциях теряю. А так — подготовлюсь в Публичке и буду быстрее сдавать. Некоторое время спустя: перехожу на заочное отделение, т.к. профессор Харчев берет меня на работу на должность младшего научного сотрудника, а это Академия наук СССР. А то закончу университет, а потом попробуй попади на работу в Академию. В общем, закончила она университет за четыре года, т.е. вместе с теми ребятами, с которыми училась в Военмехе. Диплом получила с отличием. И тут же предложение поступать в аспирантуру. Ура! Чего еще желать? Нет... «Я поработаю, чтобы хорошо определиться, чего я хочу от аспирантуры, и использовать аспирантский срок для пополнения знаний». Пошла работать на завод К. Маркса в новое еще тогда подразделение НОТ (научная организация труда). Это нововведение прошло тогда по всем предприятиям.

Гале

*Я столько раз тебя просила:
Помягче будь, ты так смела...
«Я правду, мама, говорила,
Да сделать мало что смогла...»
Всё слышу голос твой далекий:
«Как, мама, чувствуешь себя?
Ты не должна быть одинокой,
С тобой всегда мои друзья...»*

*Мне давно ни страны, ни погоста
В этом мире не надо искать...
Схоронить меня к дочери просто,
Как ее воспитавшую мать...*

(Зима 2002–2003 гг.)

*Нам не дано знать непременно,
Когда и где порвется жизнь нить...
И я тебя на тех ступеньках
Собою не сумела заслонить...
Всё жду, как будто ты
в поездке дальней,
Вцепляю, в далеком далеке...
И ожиданье с каждым
днем печальней,
Ответа нет ни на каком витке...
Летит твоя душа
над всей Вселенной
Такою светлой звездочкой
нетленной...
Ты лишь приснишься тем,
кого любила,
О ком заботилась,
кого не защитила...*

(Весна 2003 г.)

Как снова убивают Галину Старовойтову

Продолжение.
Начало см. на 1-й стр.)

Были и другие «звоночки». 23 сентября 1997 года в газете «Московский комсомолец» вышла статья студентки факультета журналистики Елены Егерева «Кем жены запряжены», в которой, в частности, лживо утверждалось, что Галина Старовойтова была уволена с поста советника президента якобы из-за того, что ее муж взял крупную взятку за организацию интервью с Борисом Ельциным. Скромная студентка Егерова не единожды летала в Англию для подготовки статьи, кто-то оплачивал все ее расходы по поездкам. Галина Старовойтова подала на Егерева в суд за клевету, поскольку в указанной студенткой газете не только никогда не публиковалось интервью Ельцина, но газета даже не планировала это делать. С представителями редакции этой газеты ни Галина, ни члены ее семьи не были знакомы. Компромат был подготовлен топорно, статья безвестной студентки была лживой от первого до последнего слова. В материалах дела фигурировало нотариально заверенное заявление английского журналиста о том, как Егерова склоняла его к лжесвидетельству, чтоб он подтвердил ее клевету на Галину Старовойтову.

Пресненский межмуниципальный суд Москвы вынес приговор по делу журналистки Елены Егерева, обвиненной депутатом Государственной Думы Галиной Старовойтовой в клевете. Суд признал Егерева виновной и по статье 129 части 2 УК РФ приговорил к одному году исправительных работ с удержанием из заработной платы 10 процентов в пользу государства. В связи с постановлением Государственной Думы об амнистии от 27 декабря 1997 года, Елена Егерова от наказания была освобождена. Кроме того, Елена Егерова должна была выплатить Галине Старовойтовой 1 рубль в качестве компенсации за причиненный моральный ущерб.

За полгода до убийства Галины Васильевны произошла еще одна странная история. Весной 1998 года в Санкт-Петербурге прошла серия обысков у людей, близких к Старовойтовой. Сотрудники Генпрокуратуры и ФСБ ломались обыскивать даже общую депутатскую приемную Г. Старовойтовой и Ю. Рыбакова, нарушая этим закон о статусе депутата. Без всяких причин и поводов они обыскали квартиры помощников Галины, режиссера Любови Амроминой и журналиста Руслана Линькова. Обыск в квартире Амроминой длился 11 часов, а изъят был только компьютер, стоявший на ее столе. Что искали — так и осталось неясным, во всяком случае, группа оперативников так и не смогла назвать, какие предметы и документы они хотели бы получить. Например, у Руслана Линькова изъяли в результате обыска только распечатку сценария старой телепрограммы, счет за телефон двухлетней давности и антивирусную дискету. Через неделю все вернули, но ради этого явно не стоило перекапывать весь его огромный журналистский архив. Сотрудники ФСБ и Генпрокуратуры тогда же пытались ворваться с ничем не мотивированным обыском еще и в квартиру сестры Галины, Ольги Старовойтовой, которая вообще не имела отношения к политике. Предлог для всех этих обысков был совершенно надуманный — развалившееся в процессе следствия, заказное предвыборное «дело Собчака». Большая часть из тех, кого тогда обыскивали, видела мэра Собчака только по телевизору. Обыски очень напоминали акцию устрашения всех, кто был близок к Галине Старовойтовой.

В Петербурге хорошо знали о бешеной ненависти к Галине Васильевне экс-журналиста и депутата Александра Невзорова, связанного одновременно как со спецслужбами, так и с криминальными кругами (личная дружба со многими уголовными «авторитетами», среди которых глава банды убийц Юрий Шутков, криминализированные представители бывшего рижского ОМОНа, лидеры преступных группировок). Первый залп разнузданной клеветы на покойную выдал в СМИ напарник Невзорова, некто Борисоглебский.

В феврале 1998 года губернатор Петербурга Яковлев собирал питерских депутатов Госдумы на рабочую встречу. Старовойтова задала ему ряд нелицеприятных вопросов — куда делись огромные деньги, выделенные ему на восстановление исторического центра города и на ремонт закрытой ветки

метро? Старовойтова предъявила документы, подтверждающие ее слова о коррупции администрации Яковлева. Губернатор впал в бешенство, прокричал несколько хамских фраз в адрес Галины Васильевны и выбежал из зала, хлопнув дверью и оставив всех депутатов в полном недоумении. Больше подобных встреч он не проводил.

Я уже жила в Париже, когда в начале ноября 1998 года, ночью, мне позвонили мои друзья, помощники Галины, Руслан Линьков и Сергей Алексеев. Они рассказали диковинную историю. Ребята рассылали из депутат-

вещи, вплоть до мелочей, все бумаги и архивы, были сброшены на пол кабинета.

В конце 1998 года Маргарет Тэтчер прислала письмо семье убитой. В нем Тэтчер написала, что никогда за свою долгую политическую жизнь не встречала более мужественного и сильного политика, чем Галина Старовойтова. Что это убийство не должно быть забыто — это очень важно для истории России. И что раскрытие или нераскрытие этого убийства будет являться тестом на дееспособность российского государства и его руководства.

Были допрошены сотни людей, знавших ее. Один из следователей РУБОПа откровенно говорил моим друзьям на допросе: «Мы, возможно, найдем убийц. Но учтите, что в процессе следствия от вашей демократии камня на камне не останется. Я понимаю тех, кто ее убил. Она ведь совсем не думала о русском народе». Вот с таким настроением следствие несколько месяцев просто рыло землю, чтобы найти хоть что-нибудь против Галины Васильевны. Странно, что следствия не удалось обнаружить, что не существовало в природе. Единственный «невероятно

всего это похоже на случайное ограбление. Все деньги, документы и украшения Галины Васильевны остались нетронутыми, милиция отдала их сестре убитой, Ольге. Друг Галины Старовойтовой, депутат Госдумы Юлий Рыбаков, так резюмировал расследование: «Я уверен, заказчиков не найдут, потому что трудно искать самих себя».

После убийства Сергея Юшенкова события и комментарии в прессе разворачиваются по уже омерзительно знакомому нам алгоритму: максимально оклеветать убитого, ведь он не может ответить. Все родные, близкие и коллеги говорят о бескорыстии Сергея Николаевича, о полном отсутствии у него коммерческой жилки, о том, что он всегда был далек от бизнеса и жил очень скромно? О кэп, значит именно на клевете о «грязных деньгах» и будет построено очернение убитого. С безошибочным вкусом в России отстреливают самых лучших, самых смелых и честных. Для того, чтобы после убийства сладострастно навязывать погибшим праведникам свою собственную мораль, свои ценности — деньги, взятки и подлости. Еще Пушкин об этом писал. «Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что подлости своей радуется, унижению высокого, слабостям могучего. Она в восхищении: он мал, как и мы, он мерзок, как и мы! Врете подлецы, не так как вы, иначе».

А сейчас подлецы не пушкинских, а новейших времен говорят вот так: «Воровать меньше надо, тогда стрелять не будут». Это слова заместителя генпрокурора России Владимира Колесникова, который напрочь отрицает версию убийства депутата-оппозиционера по политическим мотивам: «Какой политический террор? — веселится Колесников, — Мы — самая свободная страна в мире, ни в одной стране мира нет такой свободы высказываться, говорить». По его словам, все обвинения в адрес российских властных структур в связи с убийством Юшенкова «шиты белыми нитками». Исходя из этой «профессиональной» логики, надо полагать, что все российские олигархи, миллиардеры и прокуроры только потому еще и живы, что «мало воруют». Сталинская верноподданническая присказка гласила: «нас зря не сажают». В новые времена усиленно стараются внедрить еще более грязную формулировку: «нас зря не убивают».

В этом году исполнится пять лет со дня убийства Галины Старовойтовой. Уже пять. Так и не известен мотив преступления, не известен заказчик подлого ее убийства. Прокуроры, выступающие перед камерами, не знают даже фамилий задержанных подозреваемых, ни действий следствия, но зато по советски бодро рапортуют: «дело раскрыто». Генпрокуратура вообще не участвует в следствии, которое сейчас ведет ФСБ. СМИ России полны «достовернейшими» данными со ссылками на прокуроров: «Она везла деньги! Убийство из-за денег!» По всему Рунету хором им подкаивают «доброхоты», послупные своим кукловодам: «Несла миллионы! У нас зря не убивают! Старовойтову убили за деньги! Значит, Юшенкова тоже, тоже убили за деньги!»

Одна ложь кладется в основание для другой. Чистое имя Галины Васильевны, честной, гордой, непрактичной, пятый год подряд втаптываемая в грязь. Ее убивают второй раз, только теперь пытаются отнять уже не жизнь, но светлую память о ней. «Он мал как мы, он мерзок как мы... Врете, подлецы!» Кому же так необходимо, чтоб не осталось чистых людей в России, чтоб в грязи были все, мертвые и живые? Убийство достойного человека уже не ужасает страну. Привычка делает свое дело — публика традиционно ждет, кто с отвращением, кто с любопытством, какую грязь на этот раз выльют на жертву заказные СМИ и спецслужбы? Впервые эта методика была применена против погибшей Галины. Даже мертвая, Галина не дает им покоя. Не удалось найти на нее никакого компромата при ее жизни, тогда компромат начали лепить после ее убийства, когда она уже не может ответить и подать в суд за клевету. Впрочем, на нее саму, уже мертвую, в суд подали. Хватило на это совести у Г. Селезнева, который составил иск к автору по газетной статье Галины Васильевны, сразу после ее гибели. Прецедент Селезнева уникален в мировой практике, еще никому не приходило в голову судиться с убитыми.

ского кабинета факсы с заявлением Галины Васильевны для прессы и задержались на работе до полуночи. Услышав возню за дверью офиса, Сергей быстро открыл замок. На лестничной площадке он увидел стремянку, на ней стоял невзрачный мужчина и инструментами рылся в телефонном щите. Второй человек придерживал стремянку. Увидев Сергея, мужчина соскочил со стремянки и бросился бежать вниз по лестнице. Второй человек, в шапке, надвинутой на лицо, навел на Сергея пистолет. Алексеев, человек очень сильный и смелый, вырвал пистолет из рук нападавшего. Руслан Линьков выбежал на шум, вдвоем они задержали бандита. Мужчине, ставившему прослушку над кабинетом, удалось скрыться. Человек с пистолетом оказался женщиной по имени Ольга Корзинина. Ребята вызвали милицию, которой и сдали эту даму с пистолетом. В отделе она несла нечто бессвязно-безумное — якобы, она представительница общества защиты животных, предполагала, что в приемной депутатов Госдумы Старовойтовой и Рыбакова постоянно мучают невинных зверюшек, поэтому она и решила ночью поставить прослушку на телефон депутатской приемной, а пистолет у нее газовый. Довольно трудно себе представить, чтобы «зверюшки», которых, естественно, никогда не было в приемной, стали бы вдруг звонить по телефону. Ежедневно в приемной двух депутатов Госдумы бывали десятки, а иногда сотни избирателей. Объяснения Корзинины не выдерживали никакой критики, но милиция отпустила ее без расследования под подписку о невыезде, да и то, только за газовый пистолет без регистрации. Жить после этого Галине оставалось всего несколько дней. Однако следствие по убийству Галины Старовойтовой удовлетворилось невнятные объяснениями задержанной.

Коррумпированные постсоветские чиновники ненавидели Галину Васильевну страстной, неистовой ненавистью. Например, однажды ее помощник, Людмила Иодковская, попросила кого-то из депутатов-коммунистов передать Галине в зал заседаний записку о срочном телефонном звонке. Депутат взял листок, но когда он услышал фамилию Старовойтовой, он просто бросил записку в лицо помощнику Галины. Уже на следующий день после ее убийства, по личному приказу спикера Думы Селезнева, кабинет Галины Васильевны опечатали и две недели в 1 комнате проводили обыск. Все ее

С ноября 2001 года сестра убитой, Ольга Васильевна Старовойтова, как представитель потерпевших, через суд добивалась реализации своего законного права — ознакомиться с материалами следствия, выяснить, каковы результаты тянувшегося пятый год расследования. Для этого адвокат потерпевших Юрию Шмидту пришлось обратиться в Конституционный суд. Недавно им пришел официальный ответ на бланке Конституционного суда, что, по Уголовно-процессуальному кодексу, потерпевшие всегда имели законное право ознакомиться с материалами следствия.

Только после этого официального определения, констатировавшего очевидное и законное право сестры погибшей, следствие ФСБ наконец начало знакомить Ольгу Васильевну с собранными материалами. История о «похищении миллиона долларов», признана следствием полностью несостоятельной. «То, что мне стало известно сегодня, говорит о том, что наша версия, о которой мы говорили с самого начала, что это было политическое убийство, подтвердилась материалами дела», — заявил помощник Галины Васильевны Руслан Линьков, получив ответы от следователя на свои вопросы.

Руслан выжил чудом. Всегда, со своих 16-ти лет, он шел навстречу опасности, на самые трудные дела — на запрещенные властями митинги, на телесъемки под пулями путча 93-го года... Он пошел вперед, на киллеров, когда убивали напуганную Галину. Услышал выстрелы в темном подъезде, где убийцы вывернули лампочки, увидел огонь от автомата — и побежал не от, а на стрелявших. Я его потом спрашивала:

— Что ты в этот момент подумал?

Он мне ответил:

— Я решил, что сейчас их остановлю.

А про пули из их автоматов совсем не подумал. Две пули вынули потом врачи Военно-медицинской академии из отважной его бабки. Пули были разного калибра, потому что убийцы Старовойтовой сделали ему контрольный выстрел в голову из пистолета. Что Руслан остался жив — это невероятно, в его больничном диагнозе было записано: два сантиметра до артерии, пять миллиметров до щитовидной железы, один сантиметр до позвоночника... Видимо, отомстили мы его у смерти в ту ночь. Но Галину прикрывать он не успел и до сих пор себя за это корит.

В течение года следствие пыталось найти хоть какой-нибудь компромат на Галину,

тяжелый» компромат, который удалось раскопать — это что у Руслана Линькова в 8-м классе школы были неважные оценки по поведению, а у первого мужа его матери, который умер за несколько лет до рождения Руслана, была фамилия Забияка. Эта «ценнейшая» информация была широко оглашена в СМИ. Похоже, что убитая Галина Васильевна Старовойтова и живой, но тяжело раненый Руслан Линьков, прожили свою жизнь так, что вся мощь государства, в течение 4-х лет направленная на поиски хоть какой-нибудь дурной мелочи против них, дала сбой. Ничего найти не смогли и огорченно предались пустой клевете.

Десятки друзей, помощников и близких к Галине Васильевне людей, многократно допрашивались следователями. Поэтому я знаю, как ведется это следствие. Шестерых подозреваемых в исполнении заказа на ее убийство задержали в конце прошлого года, по всей видимости, абсолютно случайно. Причины их задержания, как ни странно, стал Норд-Ост. После событий на Дубровке, в рамках общероссийских антитеррористических операций, когда бдительность населения повысилась, кто-то обратил внимание на случайный сигнал из Брянской области. Местные жители слышали, как бандит хвастал спяну, что он знает, кто убивал Старовойтову. Под предлогом поиска чеченских террористов в область выехали оперативники, и бандитская группа была задержана. Возможно, на этот раз арестованы подлинные исполнители-киллеры. Но, похоже, ни на шаг не продвинулось расследование мотивов убийства и его заказчиков. Все версии и детали, указывающие наверх, сходу отметаются следствием.

Только в этом, 2003-м году, следствие удалось проверить квартиру Старовойтовой на наличие «жучков». Раньше они об этом не задумывались. Выясняется, что убийство готовилось более двух месяцев, все это время прослушивались и записывались все телефонные разговоры Галины Васильевны. В подготовке убийства участвовало не менее десяти человек. Известно, что в день убийства Старовойтова трижды меняла билеты, сначала собиралась ехать поездом, потом заказала билеты на поздний рейс, и только в последний момент в кассе Думы нашелся билет на нужный ей самолет. Убийцы знали обо всех этих переменах ее маршрута, значит следили за ней и в Москве, а в Петербурге «вели» ее от самого аэропорта. Менее

(окончание на 4-й стр.)

Люстрация в России: быть или не быть?

Газета «Московские Новости» N 5, 1993 год

В эпоху реформации кадровые замены «консерваторов» на «реформаторов» в системе государственного управления кажутся мерой настолько логичной, что искушения испробовать ее в принудительном варианте не избежали многие страны. Но ни одна из них не рискует расценивать свой опыт как исключительно позитивный. Тем не менее, Россия, похоже, собирается повторить пройденный другими путь. Движение «Демократическая Россия» намерено предложить Верховному Совету законопроект о люстрации — кадровых проверках и запрете на профессии для лиц, связанных с партноменклатурой КПСС и спецслужбами КГБ.

Корреспонденты «МН» попросили прокомментировать эту идею как ее сторонников, так и противников.

ГАЛИНА СТАРОВОЙТОВА,
член Совета представителей движения
«Демократическая Россия»:

В послевоенной Западной Германии демократию в значительной мере навязал «силой» оккупационный режим американских войск. За это теперь благодарные немцы ставят памятники безымянным офицерам-окупантам. Мне показал такой памятник в своем магистрате сын фельдмаршала Ромеля, ныне бургомистр города Штутгарта.

А ведь наш процесс декоммунизации исторически подобен немецкой денацификации. Добровольно «очиститься» от темной части своей истории мало какому народу удавалось. Вот почему я думаю, что закон о люстрации вряд ли будет добровольно принят сегодняшним депутатским корпусом: его психология, уровень раскаяния или мазохизма, — как кому угодно — не позволяет ему этого сделать.

Нет также оснований полагать, что после печальной судьбы, постигшей указ о запрете КПСС, президент решится еще на один раздражающий красную оппозицию жест и проведет закон о люстрации указом. Да кроме того, вряд ли такой указ будет исполняться, особенно на местах.

Это должен быть именно закон, а не совокупность отдельных актов «просвещения» какой-то комиссией с неясными полномочиями первых секретарей на предмет того, кто из них на самом деле перестроился, а кто остался сталинистом-ленинцем. Более того, идея создания подобных комиссий (пусть под самой высокой эгидой) мне представляется весьма опасной — их деятельность неизбежно будет стоять вне закона подобно деятельности печально известного троек или особых совещаний, решавших и в прошлом судьбы людей.

Это может быть только закон, не знающий исключений. Тщательно выверенный и взвешенный общественно — не жестокий и не суровый. Между прочим, в резолюции, принятой съездом «ДемРоссии», меры, которые предполагается принять против активных проводников тоталитарного режима, чрезвычайно мягки — это просто временные ограничения на право занятия некоторых государственных должностей, не более того.

Я не исключаю, что после новых выборов, если в парламенте сложится демократическое большинство, закон может быть принят. Тем более что законопроект, резолюция по которому предложена «ДемРоссией» на съезде, не предполагает никаких гонений против депутатов, президента и других лиц, даже активно сотрудничавших с прежним режимом, если они выбраны прямым всенародным голосованием. В конце концов, народу надо оставить право еще раз выбрать тоталитарное правление (хотя я надеюсь, конечно, что этого не произойдет) или усмотреть глубокие изменения в тех людях, которые были его проводниками, и доверить им свою судьбу.

Но даже если и следующий съезд не примет закона о люстрации, это не значит, что демократы не должны выступать с такой инициативой. Многие инициативы МДГ, скажем, не были приняты парламентом, но они поменяли акценты в сознании общест-

ва. Иногда важно указать ориентир — движение к нему может быть важнее, чем его достижение.

И, кроме того, пока мы интеллигентно призываем не охотиться на «ведьм» и вежливо называем бесноватых красно-коричневых оппозицией, они устраивают стрельбища в лесах вокруг крупных городов, где тренируются отряды их боевиков, избивают депутатов, не пускают мэра Петербурга на Пискаревское кладбище в день прорыва блокады. «Ведьмы» сами давно вышли на охоту. И мы хотели бы этим законом обозначить их «ведьминский» контингент. Я думаю, это имело бы для общества нравственно-очистительное значение.

Не надо предаваться иллюзиям, будто мы живем в нерасколоте общества, — давайте смотреть на это открытыми глазами. И если мы не шутим, а на самом деле хотим реформ, то, вероятно, без определенных ограничений для прежних «активистов» реальные реформы провести не сможем.

ЗАКОН О ЛЮСТРАЦИИ (о временном запрете на профессии для лиц, осуществлявших политику тоталитарного режима)

проект

I. ПРЕАМБУЛА

События последних лет подтверждают обоснованность предложения Движения «Демократическая Россия» о необходимости инициативной разработки проекта закона о люстрации — запрете на некоторые профессии для лиц, являвшихся активными проводниками политики тоталитарного режима. Крупномасштабные люстрации (от латинского *lustratio* — очищение) в XX веке имели место дважды — в ходе денацификации Германии и чисток государственных органов стран, сотрудничавших с нацистами (Италии, Японии и др.), а также в ходе декоммунизации стран Восточной Европы.

Недавний восточноевропейский опыт пока оценивается противоречиво — главным образом ввиду несовершенства принятых законодательных актов и практики их применения, а не из-за отказа от самой идеи профессиональных ограничений для людей, составлявших опору власти, нарушавшей фундаментальные права человека.

Движение «Демократическая Россия» видит необходимость люстрации в качестве меры, препятствующей реваншу сил, возвращающих сейчас свои властные позиции. Введение этой меры не преследует цели мести за ограничения на профессии, фактически существовавшие в нашем обществе для людей, несправедливо к КПСС или ее «вооруженному отряду ВЧК-КГБ». Мы отвергаем также обвинения в призывах к «охоте на ведьм» и в отрицании права на иную мысль. На самом деле высокопоставленная коммунистическая номенклатура, в том числе и причастная к антиконституционным путчам, практически нигде в России — ни в центре, ни в регионах — не понесла ни моральных, ни материальных потерь; многие из ее деятелей остаются у кормила власти. В то же время демократы (особенно среди военных), вставшие в 1991 и 1993 гг. на сторону Президента России, на сторону законной власти и продолжения реформ, повсюду в стране шельмуются, нередко подвергаются гонениям и увольнению.

Лицемерно защищаясь от несуществующей «охоты на ведьм», некоторые монстры прежнего режима, причастные к его кровавым преступлениям и далекие от покаяния, готовы и сейчас по первому сигналу продолжить массовые репрессии, неотделимые от практики ленинизма и сталинизма. Наше общество, интеллигентно называя верных ленинцев и сталинцев инакомыслящей оппозицией, как будто бы больше озабочено их комфортом, чем душевным и материальным состоянием жертв ленинизма и сталинизма — все это несмотря на широкообещающие декларации о возвращении к общечеловеческим ценностям. Неприменение люстрации в 1991 г., после коммунистического пут-

ча, недоведение до конца суда над идеологией и практикой коммунистов сделали возможным возникновение крупной парламентской фракции в Государственной Думе России, состоящей из коммунистов, не отмежевавшихся от преступлений своей партии и открыто пропагандирующих сталинизм.

Движение «Демократическая Россия» констатирует отсутствие надежных политических гарантий в нашей стране против возврата к тоталитаризму. Основным барьером на пути нового переворота — ползучего или революционного — является лишь воля презревшей части населения, в меньшей степени политические институты, еще в меньшей — правоохранительные органы, суды и прокуратура.

Учитывая сказанное, мы снова выступаем с инициативой разработки закона о люстрации, хотя и понимаем, что власти упустят время для его принятия.

II. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Категории лиц, подлежащих люстрации

Определенным профессиональным ограничениям на время продолжения переходного периода (на срок в 5–10 лет) в соответствии с этим законом должны подвергаться следующие лица:

а) все бывшие освобожденные секретари партийных, производственных и территориальных организаций КПСС;

б) бывшие первые, вторые и третьи секретари райкомов, горкомов, обкомов и крайкомов КПСС;

в) работники центральных республиканских и союзных комитетов коммунистических партий, действовавших до 06.11.1991, т.е. времени первого Указа Президента России о запрете КПСС (включая секретарей соответствующих ЦК, но за исключением технического персонала).

Перечисленные категории лиц подвергаются профессиональным ограничениям в следующих случаях:

а) если в общем стаже их трудовой деятельности нахождение на указанных должностях в сумме составляет 10 и более лет;

б) если на 21 августа 1991 г. — день подавления коммуно-экстремистского путча — они занимали одну из указанных должностей и не заявили о выходе из КПСС добровольно;

г) действовавшие штатные сотрудники, включая резерв, и давшие подписку о сотрудничестве с органами НКВД-МГБ-КГБ, либо работавшие в этих органах на протяжении последних десяти лет перед принятием новой Конституции России (в 1993 году).

Ограничения на профессии для активных проводников политики тоталитарного режима не распространяются на лиц, получивших должности в системе представительной или исполнительной власти в результате прямых свободных выборов как формы волеизъявления народа (если деятельность этих лиц в КПСС и КГБ не скрывалась ими в ходе предвыборной кампании). Все сотрудники служб безопасности и офицеры всех родов войск должны сдать экзамены на знание Конституции РФ, принятой на референдуме 12 декабря 1993 г., и присягнуть ей.

2. Сущность люстрации

Под ограничением (запретом) на профессии для указанных лиц понимается временный запрет для них (на 5 или 10 лет) занимать по назначению или в результате прямых выборов ответственные должности территориальной исполнительной власти, начиная с глав администраций районов, городов, областей и вплоть до министров республик и Российской Федерации в целом (включая премьер-министров).

На срок до 10 лет для тех же лиц должна быть запрещена деятельность, связанная с преподаванием в средних и высших учебных заведениях; на срок до 15 лет — преподавание в военных учебных заведениях.

Другие виды профессиональной деятельности, включая частное предпринимательство или работу в секторе, в том числе и на руководящих должностях, не возбраняются.

Проект впервые принят 17 декабря 1992г. на III съезде «ДЕМОССИИ» по предложению Г. Старовойтовой. Данная редакция предложена в марте 1997 года.

Как снова убивают Галину Старовойтову

Окончание. Начало на 1-й стр.

Сумма выдуманных денег, которые якобы несла Старовойтова в день убийства, варьируется самым причудливым образом. Две недели спустя после убийства один из высокопоставленных заместителей генерального прокурора запустил слух о том, что Старовойтова везла миллион долларов. Спецжурналисты долго твердили о миллионе, хотя следствие этого не подтверждало. В январе 2001 года информационный веб-портал «Страна.ру» Глеба Павловского «достоверно» сочинил сумму аж в три миллиона долларов. По Г.Павловскому, 50-летняя женщина-депутат, со всемирной известностью, которую каждый житель России знает в лицо, одна, с пареньком-помощником, тащила по ночным улицам и дворам бандитского Петербурга сумку, один только вес и объем которой равен холодильнику! Главный пропагандист страны явно усвоил правило своего собрата Геббельса: «Ложь должна быть чудовищной, для того, чтобы в нее поверили».

Клевета ширилась и распространялась, как эпидемия атипичной пневмонии. Уже и полуграмотные спец-авторы издавали пованивающие казенной портянкой «художественные изделия», стилизованные под повести и романы, где упорно и тупо внедряли эту «дезу» о Галине Васильевне — деньги, деньги, деньги... У этих спецопусов всегда удивительно быстро находились издатели.

Следующие «сливы дезы» в СМИ о деньгах, после шизофренических павловских «трех миллионов долларов в полиэтиленовом пакетишке», были подкорректированы политтехнологами. Сложносочиненная сумма в устах дезинформаторов начала съезжаться и усыхать: 890 тысяч, 800 тысяч, потом 500 тысяч... Неверный ельцинский лакей Коржаков «достоверно» утверждает — она везла с собой 200 тысяч долларов! Но и это не подтверждается фактами и свидетельствами.

Сумма продолжает уменьшаться. Газетка «Время новостей» верещит: «Везла сто тысяч долларов!». Толпы упитанных государственных мужей со скосными от вранья глазами, в каждом зрачке которых — зеленый доллар, в дорогих очках и костюмах, которые явно не купишь на их зарплату, дружным циничным хором осознанно лгут об убитой женщине, одном из немногих порядочных политиков России. Возможно, так скоро дойдет и до реальной суммы в одну тысячу долларов, действительно бывших в этот трагический день при ней и оставшихся в сумке возле тела. Деньги не заинтересовали убийц. Им была нужна ее жизнь, а не сумочка.

Все соавторы «дезинформации» о деньгах многозначительно ссылаются или на неведомые «компетентные источники», или на следствие. Но следователи ФСБ, ведущие дело об убийстве Старовойтовой по статье «терроризм», не дают пресс-конференций и никогда не общаются с прессой. С клеветой на покойную выступают исключительно те, кто не имеет к следствию никакого отношения — спец-«журналисты», мелкие прокурорские и милицеские чиновники, которые не знают ни малейших подробностей расследования убийства, но зато с вожделием, мечтательно, сочиняют суммы, все время разные.

Однако Сергей Кузнецов, руководитель следственной группы ФСБ, ведущей расследование убийства Галины Васильевны Старовойтовой, выразил удивление по поводу того, что некие сотрудники Генпрокуратуры, которая не занимается этим делом и не обладает полной информацией о ходе расследования, распространяют в прессе свои предположения относительно выводов следствия. По словам Сергея Кузнецова, в настоящий момент следствие не рассматривает ту версию убийства Старовойтовой,

которая озвучена в газете «Время новостей» со ссылкой на источники в Генпрокуратуре. Кузнецов добавил, что это уже не первый случай, когда представители структур, не имеющих прямого отношения к расследованию данного преступления, делают громогласные заявления, содержащие неверную информацию. На недавних слушаниях в ГосДуме трое главных начальников российских правоохранительных ведомств заявили депутатам, что пока единственное чисто политическое убийство — это гибель Старовойтовой. Версия ограбления признана недостоверной.

Каждый, хоть отдаленно сталкивавшийся со следственной работой, или хотя бы читавший криминальные романы, хорошо знает — все главные улики и сведения собираются только в первые часы и дни после преступления. Абсолютно все свидетели, летевшие с Галиной Старовойтовой в одном самолете из Москвы в Петербург в день ее гибели, говорят, что никаких пакетов и чемоданов она не везла. Ничего, кроме дамской сумочки и маленькой дорожной сумки с личными вещами и документами. Все ее вещи перед посадкой в самолет прошли контроль и были просвечены в аэропорту Москвы. Данные сканирования багажа всех пассажиров сохранились в компьютере аэропорта, следствие их проверяло в первые же дни после убийства. Денег в багаже Галины Васильевны не было. Руслан Линьков, бывший с ней в тот день и получивший две пули, видел содержимое сумки Старовойтовой, когда она доставала подарок для своих родителей, к которым они заезжали на несколько минут по дороге из аэропорта домой. Личные вещи, аудиокассета с записью ее интервью «Эху Москвы» и рабочие документы с заседания Думы — вот все, что было в ее небольшой сумке.

Вскоре после 20 ноября «Комсомольская правда» напечатала статью под заголовком «Старовойтову убили за миллион долларов». Полтора года длился суд Люди, защищавшие честь Галины Васильевны, одержали абсолютную победу. Суд обязал газету опровергнуть ложь. Это не было сделано. С тех пор прошло три года. Опровержение клеветнической заказной статейки не напечатано до сих пор.

Но, пожалуй, самое веское свидетельство против посмертной клеветы на Галину Васильевну, мы имеем от Владимира Владимировича Путина, в 1998 году он был руководителем ФСБ России. Вскоре после гибели Галины Старовойтовой он выступал по телевидению с информацией о ходе следствия. Путин со всей ответственностью заявил стране, что «следствие установило — никаких денег Старовойтова с собой не везла». У нас нет оснований не доверять сообщению тогдашнего начальника ФСБ и сегодняшнего президента России.

Государственные вертикали действуют сегодня параллельно: «правоохранительная» старательно лепит версию о том, что какая-то деревенская банда, якобы самостоятельное, без причин и мотивов, вдруг решила убить Галину Васильевну Старовойтову. «Пропагандистская» вертикаль подмигивает: «у нас зря не убивают». Скульпторы российского общественного мнения явно и планомерно внедряют людям новую мораль — научный цинизм как всепобеждающее учение эпохи отстоя. С черной ночи убийства Галины Васильевны началась в России новая эпоха, время, когда все дозволено. Не стоит земля без праведника. А праведников в России сегодня отстреливают в спину, чтоб оклеветать их после смерти.

Анна ПОЛЯНСКАЯ,
бывший помощник депутата
ГосДумы Г. В. Старовойтовой.
Париж.

Учредитель издания — Галина Старовойтова.

Главный редактор — Руслан Линьков.

Газета зарегистрирована Министерством печати

и информации РФ 13 августа 1993 года.

Регистрационное свидетельство № 011096.

Адрес редакции: Москва, 125047, а/я 219.

Тираж отпечатан в АООТ «Типография «Правда».

191119, Санкт-Петербург, Социалистическая ул., 14.

Тираж 5000 экз. Заказ № 612 от 17.11.2003 г.